
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Сапожник Антон стоял, сторбившись и опустив длинные корявые, как корни, руки, а заказчик, молодой купеческий приказчик, сытый и гладкий, тоже стоял посреди подвала, среди обрезков кожи, колодок и рваных сапог, ожесточенно размахивал руками и кричал на Антона:

- Это черт знает что такое!.. Левый сапог жмет, а правый хлябает! Разве это сапоги... это черт знает что, а не сапоги!..

Он тыкал сапогами, подошвами вверх, чуть не в самое лицо Антона, и в его неестественно напряженном голосе ясно слышалось желание повеличаться и покуражиться.

- Нет... вот походишь ты у меня за деньгами... Ты... крикнул приказчик, нелепо взмахнув руками, и нерешительно, но с злобным удовольствием прибавил: Скотина!

И от удовольствия и боязни весь налился кровью, так что толстая короткая шея его совсем слилась с красным галстуком.

Антон молча переложил шило из правой руки в левую и тяжело вздохнул.

В подвале было совсем темно, и воздух, густой и тяжелый, висел синим пологом. Под потолком и по углам стоял сырой, пропитанный запахом кожи, ворвани и ваксы, пар. Фигура Антона только черным вострешанным силуэтом вырисовывалась на светлом четырехугольнике окна.

- Так и знай! - крикнул заказчик и сердито, но довольно пыхтя, пошел из подвала, осторожно нагибая голову, чтобы не стукнуться о притолоку новеньким твердым котелком.

Антон проводил его до дверей, отворил дверь и даже попридержал ее, пока приказчик подымался по склизкой и крутой лесенке. Потом еще тяжелее вздохнул и вернулся вниз.

Хотя на дворе было еще совсем светло, но в подвале все утонуло в сизом полумраке, так что только возле окна виден был тощий горшок с давним, еще прежними хозяевами посаженным, луком, который торчал одной чахлой и сухой соломинкой. Антон часто внимательно смотрел на это жалкое, бледное растение, умиравшее медленной смертью от недостатка воздуха и солнца, и почему-то жалел выбросить его на двор.

Антон стал заправлять лампочку, неловко чиркая тоненькими спичками и все тяжело вздыхая.

Вздыхал он не о том, что его только что обругали и тыкали в лицо сапогами. И то и другое было так привычно ему, что вряд ли он помнил это подробно. Все заказчики на всякие лады ругали его, швыряли сапоги иногда и били, а чаще не платили денег. Все это были люди маленькие, до такой степени зависимые, забитые и скучные, что у них была органическая потребность хотя изредка, в свою очередь, на кого-нибудь покричать, над кем-нибудь покуражиться, почувствовать себя выше хоть кого-нибудь. И сам Антон сделал бы то же самое, если бы и от него кто-либо зависел так, как он ото всех. А потому, хотя и бессознательно, Антон чувствовал, что иначе и быть не может, и все должны ругаться, куражиться и драться, чтобы маленькая звериная злоба, сидящая в трусливой глубине чахлых душонок, не задушила их самих. Но виноватым Антон себя никогда не считал: он делал то, что умел, и так, как умел, - шил сапоги не лучше и не хуже никого, не столько по мерке; сколько по заученному фасону. Он даже не подозревал, что можно совершенствоваться в своей работе, потому что это было грязное, голодное, тяжелое и однообразно-скучное ремесло, постылое и нудное.

Вздыхал же он оттого, что вечная жизнь в сыром и низком подвале, в запахе кожи и ваксы, впроголодь, без любви, света и радости, давила его организм к земле, и всегда, когда он разгибал спину, ноющую от согнутого положения, ему казалось, что он с болезненным надрывчатым усилием подымает какую-то страшную, неодолимую, не дающую вздохнуть, тяжесть. - Н-ну... - выпускал тогда Антон. Еще целый час, после ухода сердитого приказчика, он сидел, согнувшись в три погибели у еле копящей лампочки, пугливо мигающей от стука его молотка, и пригонял подборы к толстым и тяжелым сапогам